

СЕМЬЯ

“Я здесь, чтобы переписать русскую литературу”, — мисс Кимберли Уайт деловито стряхивает пепел от сигареты прямо в кофейное блюдечко. Известная феминистка из Арканзаса приехала в Москву на встречу с русскими исследователями творчества Толстого. Она хочет устранить страшную несправедливость, доказать, что романы “Война и мир”, “Анна Каренина” и “Воскресение” Лев Николаевич писал в соавторстве со своей женой графиней Софьей Толстой, причем основные главы романов были написаны только ею. А “Лев Толстой” — не более чем удачно найденный рекламный брэнд, убеждена американка. Ее собственная книга “Сила и Мудрость” об этом “величайшем обмане в истории мировой литературы”.

Кимберли Уайт.

Американцы
хотят отнять
у нас Льва
Толстого

Граф Был НЕ ПРАВ?

— Мисс Уайт, сами ли вы пришли к такому выводу или кто подсказал?

— Я отталкивалась от идеи высокоуважаемого математика и моей землячки Элен Кеновелл. Она выпустила книгу о “Тайнах гениев”, в которой говорится о том, что многие мировые знаменитости пользовались умом и талантом своих жен и любовниц. Это не пустые слова: Кеновелл вложила романы Толстого в компьютер вместе с хозяйственными дневниками и письмами его жены. На основании таблиц лингвистических соответствий и частотных графиков машина доказала “значительное сходство” стиля графини Толстой со стилем великого прозаика.

— Машины тоже ошибаются. И нередко!

— 150 лет назад в России, да и во всем мире, женщине-писательнице было не пробиться. Барышням оставалось пописывать стишки в альбом и варить варенье в имениях. Авторство Софьи Толстой всегда лежало на поверхности, но никто из исследователей не захотел копнуть. Не секрет, например, что графиня 12 раз от руки переписывала “Войну и мир”...

— Да, этот случай всегда приводят в качестве хрестоматийного примера ее бескорыстного служения мужу-гению...

— Она просто запутывала следы, чтобы позже не возникло вопросов насчет графологической экспертизы. Софья Андреевна понимала, что глубинные философские изыскания мужа непонятны и малоинтересны простому российскому обывателю. А вот любовные похождения и семейные распри в дворянских гнездах — это как раз то, что надо для литературного хита. Поэтому, взявшись за переписывание рукописей мужа, она в прямом смысле слова переписывала их по своему усмотрению. Разве вас никогда не удивляло, что главные герои Толстого проповедуют, мягко говоря, иные идеи, нежели он сам?

— Но, возможно, это и есть — гениальность? Описать чужие характеры и выдуманных людей так, чтобы они казались абсолютно реальными и естественными?

— Мужская проза — это экшн, тогда как женщины необыкновенно глубоки как раз в описании чувств и эмоций. Литературоведы удивляются: “Ах как гениально Толстой изобразил женские роды. Как будто бы сам все пережил”. Но все становится на свои места, если представить, что это создала женщина, произведшая на свет девятерых младенцев.

— Вы еще скажите, что Лев Толстой не придумал вообще ни строчки...

писания. Это истории прежде всего о женщинах, их мыслях, их переживаниях.

— Говорят, что Софья Андреевна обожала мужа, но совсем его не понимала. От этого и все конфликты.

— Да, только причина вовсе не в том, что графиня любила роскошь, а граф — простоту. Толстой был крайне самолюбивым человеком. На протяжении сорока лет он почитает на лаврах и вдруг узнает, что они — чужие. Это не моя выдумка — прочтите любые мемуары современников. Чаше других там приводится такой факт: Лев Толстой был уверен, что его героиня Анна Каренина осталась жива. Узнав о ее самоубийстве в конце романа, писатель был в шоке... Боялся ли граф разоблачения? Думаю, что в конце жизни он, напротив, искал способ оправдаться. Но Софья Андреевна не хотела скандала в благородном семействе. Вероятно, ее устраивала роль второй скрипки. Она не ждала собственной славы — всего лишь хотела счастья. Это вполне в духе того времени, когда в женщинах видели лишь красивую игрушку.

— Общеизвестно, что Софья Андреевна Толстая не допускала до мужа чужих людей, журналистов, ограничила в последние годы его круг общения.

— Если он не знал о судьбе Анны Карениной, мог бы также попасть впросак в разговоре и о других своих произведениях. Многие не понимали, почему

графиня-мать стремится говорить за супруга — это приписывали ее высокомерию. “Около Толстого не было никого, кто был бы способен помериться с его женою умом и энергией”, — не раз утверждали даже враги Софьи Андреевны. В результате граф не выдержал и ушел.

— Вы отдаете себе отчет, мисс Уайт, что мало кто поверит вашей версии — и скорее всего вас обвинят в русофобстве и попытках очернить нашего любимого классика?

— Люди очень косны, особенно относительно фундаментальных вещей. То, что я вам рассказала, — часть айсберга, это беда не только русской литературы. Стендаль, Гюго, Оноре де Бальзак — им в литературном труде помогали их любимые, именно поэтому их литературное наследие так огромно, справедливо кажется, что это сочинял не один человек, а целая бригада. Я знаю только одну старинную писательницу, которая, чтобы публиковаться, не брала в соавторство мужчину. Хотя взамен ей пришлось взять мужской псевдоним: Жорж Санд. Что ж, таковы издержки мужского шовинизма.

— Мисс Уайт, как отнеслись к вашим измышлениям потомки Толстого?

— Я понимаю, что им трудно будет понять меня. Но это только справедливо, что их прапрабабушку возведут на пьедестал. Увы, история обошлась с графиней очень жестоко: ее практически обвинили в болезни и смерти великого мужа. Сам граф перед смертью отомстил ей страшно: в своем завещании Толстой прямо указал, что она не имеет никаких прав на его литературное наследие. Это был его ответ на ее обман, на то, что она, руководствуясь своим литературным чутьем и вкусом, меняла судьбы и характеры его героев.

Екатерина САЖНЕВА.